

назвавъ меня Наташой. Это имя перешло въ «Войну и миръ». Льву Николаевичу оно понравилось, какъ подходящее къ типу. Сестра писала съ большими увлечениемъ.

Къ концу лѣта отношенія Льва Николаевича къ сестрѣ Соњѣ видимо стали мѣняться, но родители не замѣчали этого, такъ какъ сплетня Нѣмокъ какъ бы укрѣпила фальшивый взглядъ на намѣреніе Льва Николаевича. Замѣчали мы только двое: сестра и я.

Онъ просилъ ее дать ему прочесть ея повѣсть. Послѣ долгихъ колебаній она дала ему прочесть. И вотъ что онъ по этому поводу пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Пошелъ въ Покровское пѣшкомъ. Покойно, уютно. Соња дала прочесть повѣсть. Что за энергія правды и простоты! Ее мучаетъ неясность. Все я читалъ безъ замиранія, безъ признаковъ ревности или зависти, но слова: «Необычайно непривлекательной наружности» и «перемѣнчивость сужденій»—задѣли славно. Я успокоился; все это не про меня».

Въ молодости наружность Льва Николаевича всегда мучила его; онъ былъ увѣренъ, что онъ отталкивающе дуренъ собою; я не разъ слышала это отъ него. Но онъ, конечно, не зналъ того, что привлекательную сторону его наружности составляла духовная сила, которая жила въ его глубокомъ взглядѣ. Онъ самъ не могъ видѣть и поймать въ себѣ этого выраженія глазъ, а оно именно составляло прелестъ его лица.